

КАК НАТАСКАТЬ ВАШУ СОБАКУ ПО **ЭКОНОМИКЕ**

и разложить по полочкам основные идеи
и понятия науки о рынках

ОСТРОУМНО!

КРАТКО!

ДОСТУПНО!

Ребекка Кэмпбелл, Энтони Макгоуэн

**Энтони Макгоуэн
Ребекка Кэмпбелл**

Как натаскать вашу собаку по экономике и разложить по полочкам основные идеи и понятия науки о рынках

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70269811

*Как натаскать вашу собаку по экономике и разложить по полочкам
основные идеи и понятия науки о рынках: КоЛибри, Азбука-Аттикус;*

Москва; 2024

ISBN 978-5-389-24808-3

Аннотация

Перед вами трактовка важнейших вопросов экономической теории, доступная неспециалистам (и даже милым песикам!).

Монти – вовсе не финансовый гений, а самая обычная собака, но жизнь, которую он ведет день ото дня, тоже определяется экономикой. Семнадцать прогулок в компании преподавателя Лондонской школы экономики и политических наук Ребекки Кэмпбелл познакомят с главными экономическими концепциями и с тем, какое влияние они оказывают на каждого из нас. Здесь нет ни графиков, ни диаграмм (ведь Монти не

сумеет их прочесть), и конечно же никаких вычислений, и тем не менее в непринужденной атмосфере решается сложный вопрос: что же такое экономика на самом деле? Точная наука, подобная математике и физике? Или нравственное и философское исследование того, как обществам следует распределять скудные ресурсы? Вперед, к постижению главных идей великих мыслителей, от Адама Смита до Томаса Пикетти, и пониманию того, как все работает в экономике!

«Экономика одновременно чрезвычайно важна и невероятно сложна. Если что-то в экономике кажется очевидным или простым, велика вероятность, что ты чего-то не понимаешь. Как выразился Генри Луис Менкен, на каждый сложный вопрос есть простой и прямой ответ, который в корне неверен... Экономика имеет дело с двумя уровнями сложности: с человеческим мозгом, сложнее которого нет ничего во Вселенной, и со взаимодействием миллионов человеческих мозгов на рынках. Тем не менее я надеюсь, что эти прогулки помогут разобраться в экономических вопросах». (Ребекка Кэмпбелл)

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Вступление	7
Прогулка первая	14
Тостер	14
Прогулка вторая	22
Часть первая	22
Часть вторая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Ребекка Кэмпбелл,
Энтони Макгоуэн**

Как натаскать вашу собаку по экономике и разложить по полочкам основные идеи и понятия науки о рынках

Уловить смысл экономических концепций часто непросто, но авторы провели работу, достойную восхищения, и объяснили их простым языком. Одна из немногих популярных книг по экономике, которую можно назвать понятной от начала до конца!

Терри Фридман, Teach Secondary

Доставляет удовольствие! Эта непринужденная презентация прекрасно подойдет для тех, кто желает узнать основы экономики или повторить когда-то пройденное. Особенно она придется по душе тем читателям, которым нравится, когда материал подан слегка эксцентрично.

Booklist

Rebecca Campbell and Anthony McGowan

HOW TO TEACH ECONOMICS TO YOUR DOG

A Quirky Introduction

Перевод с английского Светланы Торы

Публикуется с согласия Oneworld Publications и литературного агентства «Синописис».

В книге имеются упоминания социальной сети Facebook (Фейсбук). Деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram запрещена на территории Российской Федерации.

© Rebecca Campbell and Anthony McGowan, 2022

© Тора С., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023

КоЛибри®

Вступление

Читатель, позволь представить тебе Монти, который в этой книге сыграет важную роль. Пусть он не суперзвезда, однако на звание лучшего актера второго плана претендовать точно может. Монти – мальтийская болонка. Иногда я по ошибке называю его мальтийским терьером, что, разумеется, неверно. Хотя мальтийская болонка походит на терьера упрямством и склонностью к вспышкам агрессии, она принадлежит к другой группе пород, и ей место скорее на коленях у хозяина, чем на охоте. Мне всегда казалось странным, что таких болонок называют по-английски «мальтийскими собаками». Это совершенно излишне, ведь никто не перепутает Монти с мальтийским кроликом или мальтийской морской свинкой. Порой его можно принять за мальтийскую муфту: он белый, пушистый и после мытья напоминает одуванчик. Однако в другое время Монти выглядит болезненным и унылым, словно оживший чих. Вдобавок у мальтийских болонок нередко появляются темные слезные дорожки у глаз, из-за чего Монти похож на альбиноса-рокера в разгар душевной драмы. Хотя среди особенностей породы не значится высокий интеллект, Монти с виду кажется любознательным, а еще он любит вопросительно склонять набок свою маленькую головку, благодаря чему он, по крайней мере, кажется хорошим слушателем.

Все сказанное выше касается внешности Монти, но его характер интересует нас гораздо больше. Если у вас есть собака, то вы наверняка с ней разговариваете. Скорее всего, ваше общение ограничено словами похвалы и ласки попеременно с требованиями подойти, сесть или прекратить гоняться по двору за курьером. По крайней мере на некоторые ваши реплики, думаю, собака отвечает. Вероятно, она использует традиционные собачьи методы: лай, рычание, вой и виляние хвостом. И, вероятно, бывало, что собака выражалась весьма выразительно и вы могли с легкостью сформулировать ее желание словами: «Что такое? Хочешь печенья? И поскорее?»

Монти – собака необычная, поскольку ему очень хорошо удается донести свои мысли. Этот навык он развил во время прогулок, описанных в книге «Как натаскать вашу собаку по философии» и научивших его диалектике, то есть познанию через беседу.

Читатель, естественно, может скептически относиться к способности домашнего питомца участвовать в относительно интеллектуальных дебатах на сложные темы (кстати, этот вопрос подробно рассматривается в вышеупомянутой книге). В таком случае я предложу вам альтернативную точку зрения. В романе «Третий полицейский» великий ирландский писатель-юморист Флэнн О’Брайен описывает процесс, при котором человек и велосипед в силу одной научной истины – броуновского движения, то есть колебания молекул в веществе – и тесного контакта человеческого зада и седла

настолько крепко соединяются друг с другом, что между ними невозможно провести четкую границу. В результате велосипеды зачастую начинают проявлять человеческие черты – например, в холода любят прислоняться к радиаторам отопления. Нечто подобное, несомненно, происходит с собаками и их хозяевами. Много часов Монти провел у меня на коленях (этим он занят, к слову, и прямо сейчас – спит после ужина), и неудивительно, что пес в какой-то степени стал мной, а я – им. Итак, пока мы будем гулять, вы вольны представлять в качестве младшего собеседника в наших дискуссиях либо Монти, на которого оказал влияние Энтони Макгоуэн, либо Энтони Макгоуэна, на которого повлиял Монти.

После философских прогулок стало ясно, что Монти хочет продолжения. Философия – это много всего: способ наточить затупившийся клинок вашей рациональности; увлекательная серия историй о том, какова природа реальности; руководство по более этичному образу жизни. Однако можно возразить, что философия упускает из виду большую часть существования в современном мире: от нашей повседневной борьбы за заработок до устройства общества с максимальной пользой для наибольшего количества людей. Дыра немаленькая с любой точки зрения – и человеческой, и собачьей. Заполнить этот пробел должна экономика, отсюда и название классической книги Роберта Хайлбронера по ис-

тории экономики – «Философы от мира сего»¹. Именно экономика спускает нас, философов, с небес на землю.

Многие из нас давно запутались в хитросплетениях экономических сил, порожденных тем, как товары производятся, покупаются и продаются. Однако эти силы определяют то, как мы живем. Конечно, в основе всех нас лежит человеческая натура, но на бесконечно сложное устройство современной жизни – на то, как мы работаем, где живем, что носим и едим, как, наконец, проводим время после выхода на пенсию, – на все влияют огромные силы, несопоставимые с человеческими. Экономика – лучший из возможных инструментов для понимания этих сил (что мне как философу действительно больно признавать).

Далее последует серия прогулок, в ходе которых Ребекка Кэмпбелл, появлявшаяся и в книге «Как натаскать вашу собаку по философии», старается объяснить основные принципы экономики Монти, а через него и мне. И вам. Хотя книга «Как натаскать вашу собаку по экономике» задумана как ненавязчивое дружеское разъяснение, на самом деле она почти в точности соответствует структуре стандартного вводного курса для студентов, только что начавших обучаться экономической специальности. И, как и подобный курс, книга делится на две половины: сначала речь идет о микро-

¹ *Heilbroner R. L. The Worldly Philosophers: The Lives, Times and Ideas of the Great Economic Thinkers, 1953. (На русском языке: Хайлбронер Р. Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи. М.: Колибри, 2008.)*

экономике, а затем о макроэкономике. Не волнуйтесь, термины будут вскоре объяснены, а пока микроэкономикой будем считать мелочи вроде причин и последствий экономических решений, принимаемых людьми, а макроэкономикой – масштабные понятия, например политику правительства и национальных банков в отношении процентных ставок и государственных расходов.

Экономика и политика, очевидно, тесно переплетены. Решения в экономике имеют политические последствия, а решения в политике – экономические. Поэтому я должен отметить, что, как и любой успешный брак, наш основан на разногласиях. Доктор Кэмпбелл – большая поклонница рынков и капиталистической системы, которые, по ее мнению и не без эмпирического обоснования, изменили к лучшему жизнь миллиардов людей. Я же выгляжу безответственным анархо-синдикалистом с марксистскими наклонностями. На прошлое Рождество я просил берет Че Гевары и наклейку для гитары с надписью «Эта машина против фашистов». (Раз уж вы спрашиваете, что я получил в итоге, так это сифон для содовой и пачку нижнего белья M&S.) Монти, вобравший в себя молекулы Макгоуэна-бунтаря, бросит вызов некоторым рыночным постулатам доктора Кэмпбелл, но факт остается фактом: экономика изучает работу рынков, которые и будут в центре внимания этой книги.

Пожалуй, надо сказать еще несколько слов о домашнем хозяйстве семьи Макгоуэн-Кэмпбелл. Экономисты любят

объяснять сложные концепции на примерах из жизни. Самый известный такой пример (в том смысле, что о нем слышали даже не экономисты вроде меня) привел Адам Смит в начале своего шедевра «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776). Создание булавки на первый взгляд может показаться вам относительно несложным процессом. И тут вы будете неправы: «Один рабочий тянет проволоку, другой выпрямляет ее, третий обрезает, четвертый заостряет конец...» – говорится в главе «О разделении труда»². Список продолжится до тех пор, пока не наберется восемнадцать различных операций, каждую из которых выполняет какой-нибудь бедняга, занимающийся только ею одной и ничем больше.

Разделение труда, хотя и лишает удовольствия от изготовления булавок, значительно увеличивает производительность. Смит считает, что десять человек, работая вместе, могут производить более 48 000 булавок в день. Один человек изготовит только двадцать. Какой дурак встанет на пути такого прогресса?

Маргарет Тэтчер (к которой, как вы, наверное, понимаете, мы с доктором Кэмпбелл относимся по-разному) любила сравнивать управление национальной экономикой с семейным бюджетом: нужно найти баланс расходов и доходов, экономя здесь, чтобы потратить там. Спойлер: это чушь. Управ-

² Цит. по: *Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов* / Пер. с. англ. П. Клюкина. М.: Эксмо, 2016. Кн. I. Гл. 1. С. 69.

ление национальной экономикой не похоже на ведение домашнего хозяйства. Тем не менее в обоих случаях важна специализация.

Вот почему в нашем доме каждому назначена своя роль. Наша дочь Роза обеспечивает радость и энтузиазм. Наш немногословный сын Гейб остужает всем пыл. Ребекка (она же доктор Кэмпбелл) обустроивает быт, оплачивает счета и следит за тем, чтобы домашнее хозяйство не погрузилось в хаос. Монти одаривает всех любовью, как умеет только собака. Моя же работа обычно заключалась в том, чтобы бродить по дому, выключая за остальными свет, а также вынимать грязные тарелки из посудомоечной машины и складывать их заново, руководствуясь строго научными принципами (читайте – собственными странными теориями). Да, и еще водить Монти на долгие прогулки, которые легли в основу книги «Как натащить вашу собаку по философии». Впрочем, теперь Ребекка берет эту обязанность на себя, а я отступаю в тень, хотя вы можете представить, что я волшебным образом проявляюсь через Монти. И, как сказал или, может, не сказал Маркс (тот, что Граучо³), без собаки лучший друг человека – это книга, а вот с собакой особо не считаешь.

Энтони Макгоуэн

³ Джулиус Генри «Граучо» Маркс – американский актер, участник комик-труппы «Братья Маркс». – *Примеч. перев.*

Прогулка первая

Тостер

Поговорим о том, что попытка собрать тостер может поведать нам о рынках и, в более широком смысле, об экономике.

Вся семья в тот день была не в настроении, и завтрак вышел сумбурным. Философ (то есть мой муж Энтони Макгоуэн) умеет вносить хаос, как никто другой. Сам он, похоже, думает, что хаос помогает творчеству и что, если метнуть на кухне гранату, в результате взрыва действительно получится торт. Розы и Гейб ссорились из-за того, кто будет сидеть на сломанном стуле, – битву, как всегда, выиграла Розы. Гейб ворча поплелся к тостеру и засунул в прорезь слишком толстые ломтики хлеба. Через несколько секунд тостер начал дымиться, затем что-то хлопнуло и свет погас.

– Без паники! – закричал Философ с нотками паники в голосе.

У него есть кое-какие таланты из разряда «умелые ручки», и один из них – способность найти нужный тумблер на электрощите с предохранителями (для этого необходимо рыться в шкафу для верхней одежды и бормотать проклятия). Но сегодняшняя проблема переключением тумблера не

решилась.

– Все из-за тостера! Кристаллы дилития загрязнены обугленными фрагментами ионизированных дисахаридов, – сказал Философ. (Ну или что-то в этом духе.) Потом он произнес слова, от которых наша семья пришла в ужас: – Пойду принесу ящик с инструментами.

Гейб испустил горестный вздох, Роза застонала, я закрыла лицо руками. Монти побежал в спальню и спрятался под подушку.

Полчаса спустя тостер был разбит, а кухня выглядела, как свалка из фильма «Безумный Макс».

– Ладно, Монти, – сказала я. – Идем отсюда.

Мы решили не отправляться на долгую прогулку, а неспешно пройти по тихим переулкам Вест-Хэмпстеда в лучах осеннего солнца. Наш Философ придумал игру для этого времени года под названием «Русская рулетка с куста». Правила просты: нужно есть все без разбора фрукты и ягоды с кустов, которые растут у домов соседей и в парках. Его логика заключается в том, что пара ягод или один кусочек вряд ли окажутся смертельной дозой, а по вкусу часто можно понять, ядовиты плоды или нет, и в случае чего выплюнуть. Хуже всего было, когда он съел мякоть зеленого грецкого ореха, приняв его за незрелый персик. Начались спазмы, потом его вырвало, и Философ изрек, что вкус отвратительный, зато никто не умер. Я, разумеется, участия в игре не принимаю, однако считаю ее довольно поучительной

– она снова демонстрирует очевидное превосходство экономики над философией.

– Так, Монти, – заговорила я. – Давай-ка побеседуем о тостерах.

Монти поднял брови. У него определенно есть брови и, если уж на то пошло, что-то вроде усов, причем и усы, и брови на удивление выразительны.

– *Полагаю, меня ждет какая-нибудь поучительная история или пример, а не просто рассуждения о том, кто виноват во взрыве тостера?*

– Угадал. Будем считать это ненавязчивым введением в экономику.

– *Хитро!*

– Прежде чем возьмемся за тостер, обсудим краткое определение. В широком смысле экономику можно считать наукой о том, как люди делают выбор и как их выбор влияет на общество. Сюда относятся и принцип компромисса, и понимание человеческой реакции на стимулы. Большая часть экономики связана с тем, как работают рынки. А когда их нет...

– *Видимо, речь идет не только о Камден-маркете, где Роза покупает модную обувь, а Философ – редкие виниловые пластинки в маленьком киоске?*

– Да, я говорю не только о магазинах. Рынок – это любое место в сети или в реальном мире, где люди взаимодействуют, чтобы покупать и продавать, то есть обменивать то-

вары или услуги на деньги. Наш торговый центр можно считать одним из примеров. Важно, что рыночный обмен возможен только благодаря более крупным учреждениям и инфраструктуре, которые обеспечивают торговлю. Эти крупные структуры смазывают колеса коммерции, а также помогают взглянуть на рынки со всех сторон, и мы посвятим им большую часть времени на следующих прогулках.

– *Может, намекнешь, что за структуры ты имеешь в виду?*

– Деньги и правовую систему, которая помогает регулировать коммерческие сделки и не позволяет брать вещи без оплаты.

– *Мы же договорились забыть про тот чизкейк!*

– Да, извини, чизкейк в прошлом. К тому же остатки я отдала Философу... Итак, позже мы обсудим это гораздо подробнее, а пока давай считать экономику наукой, изучающей рынки, их успехи и провалы.

– *Не слишком ли узкий взгляд?*

– Так кажется, потому что ты еще плохо представляешь значимость рынков. Вот почему я хочу поговорить о тостере.

– *Хорошо, я заинтригован.*

– Несколько лет назад британский дизайнер Томас Туэйтс попытался собрать тостер с нуля⁴. Тостер – это ведь не андроид и не суперкомпьютер, рассудил Туэйтс. Да это пара

⁴ *Thwaites T. The Toaster Project: Or a Heroic Attempt to Build a Simple Electric Appliance from Scratch. Chronicle Books, 2011.*

пустяков!

– *Дай угадаю. Ничего не вышло?*

– Попытка Туэйтса обернулась трагикомедией. Он начал с покупки самого дешевого (3,99 фунта стерлингов) тостера, который смог найти, а затем попробовал его переделать. Разобрав тостер, Туэйтс обнаружил, что такой простой прибор состоит из четырехсот отдельных частей, сделанных более чем из сотни различных материалов. Не имея возможности раздобыть столько сырья, он решил использовать всего пять: сталь, слюду, пластик, медь и никель. Напрашивается предположение, что Туэйтс, одаренный дизайнер, понимающий в технике больше любого из нас, должен был по крайней мере приблизиться к успеху.

– *Хе-хе, нет. Чувствую, его ждало фиаско.*

– Именно. Тостер Туэйтса выглядел, как морское чудовище, и после включения проработал секунд пять, прежде чем один из элементов расплавился. Его изготовление стоило 1187,54 фунта. Мораль: работая в одиночку, ни один человек, каким бы гениальным он ни был, не в состоянии сделать тостер или, как следствие, другой бытовой прибор, который мы считаем само собой разумеющимся. Тем не менее рынок – сложная, хитрая машина для выполнения практических задач – может произвести любое устройство, причем с незначительными затратами. И так не только с тостерами. Вся современная жизнь представляет собой калейдоскоп рыночных чудес. Например, мы сейчас можем зайти в

любое кафе в Вест-Хэмпстеде и заказать чашку кофе. Никто не знал заранее, что мы захотим выпить кофе, однако в кафе все готово. Кофейные зерна выращены в Колумбии; молоко дают коровы в Девоне; вода доходит до нас очищенной по сотням километров подземных тоннелей; сахар получают из свеклы, выращенной в Восточной Англии; шоколад для капучино сделан из какао-бобов, доставленных из Западной Африки.

– Подожди минутку. Ты же знаешь, что сказал бы Философ, будь он здесь. Мол, все приятные вещи – тостеры, кофе, шоколад и прочие – имеют скрытую стоимость. Может, они так дешевы для нас, потому что людям мало платят за работу на плантациях. Может, кто-то разбогател за счет тяжелого труда и бедности других людей. И как насчет огромного ущерба экологии?

– Как всегда, он оказался бы прав. Мы, разумеется, не станем закрывать глаза на недостатки рыночной системы и международной торговли. Рынки позволяют организовать масштабное сотрудничество и намного улучшить благосостояние людей. Хотя система явно не идеальна, нужно прежде всего понять ее удивительно сложное устройство. Только тогда мы сможем исправить недочеты. Эксперимент Туэйтса показал, что он не может сделать тостер, а вот починить наш, не оставив дом без электричества, – вполне.

Некоторые утверждают, что рынки настолько важны для нашего процветания, что правительство должно иметь как

можно меньший вес и не мешать⁵. Я предпочитаю другую интерпретацию: все мы являемся частью коллектива (рыночной системы) и поэтому обязаны работать над устранением недостатков этой системы, которые возникают неизбежно. Думаю, рыночная система – это как завести собаку...

– *Ну, началось...*

– Преимущества несомненны. Все владельцы собак отмечают, что их жизнь стала лучше, счастливее, полнее, богаче. Но есть и минусы...

– *Незначительные!*

– Приходится гулять даже под дождем, за собакой нужно убирать, иногда она устраивает дома кавардак или приносит блох.

– *Никто не идеален.*

– Вот почему надо сделать так, чтобы радостей от жизни с собакой было как можно больше и чтобы тяготы не ложились на плечи одного безропотного трудяги вроде меня.

– *Слегка надуманно, хотя и справедливо. Впрочем, если учишь экономике собаку, таких сравнений, видимо, не избежать.*

– Я хочу сказать, что мы не станем обожествлять или демонизировать рынки, наша задача – понять их принципы. Порой, чтобы продвинуться вперед, нужно сделать шаг назад, поэтому на первых прогулках мы углубимся в историю экономики и познакомимся с несколькими выдающи-

⁵ Read L. E. I, pencil Freeman. 1958. Vol. 8. № 12. P. 32–37.

мися личностями, отцами-основателями. К сожалению, среди них действительно одни отцы – все они мужчины, ведь до XX века известных женщин-экономистов не было. Хотя работы этих ученых весьма известны, их часто неправильно понимают, их учения упрощают или искажают, чтобы они соответствовали более поздним идеологическим убеждениям. После урока истории мы обсудим микроэкономику, которая изучает то, как люди – и в качестве примера мы сможем взять конкретных людей, домохозяйства или фирмы – принимают решения и взаимодействуют на рынке. Затем поговорим о макроэкономике – она рассматривает экономическую политику, исследуя такие вопросы, как безработица, экономический рост и международная торговля, а также способы, которыми правительства могут помочь или помешать экономике.

Хорошо, а как насчет того, чтобы зайти в кафе и попробовать продукцию тех самых сетей, из которых сплетена международная торговля?

Прогулка вторая

Часть первая

Краткая история почти чего угодно

В первой части этой прогулки мы дадим определение экономики и обсудим историческое развитие рыночных отношений, а во второй поговорим о крупных ученых, чьи идеи, собственно, и сформировали предмет нашей беседы.

Мы намеревались прогуляться по знакомой тропинке через лес вокруг Голдерс-Хилл, красивого парка, примыкающего к лесопарковой зоне Хэмпстед-Хит. Обычно мы идем по величественным аллеям, а потом по тропинкам, выющимся между деревьями. Если бы с нами был Философ, он бы хвастал умением определять птиц по голосам («Это самец пеночки... два года, только что вернулся с зимовки... да, судя по акценту, из Чада»), или грибы по внешнему виду («Это вонючая бледная поганка, вкус жженого миндаля, вызывает немедленное удушье и смерть, если только не применять в качестве суппозитория, – тогда ощущается только легкое покалывание»), или животных по экскрементам («Эти принадлежат ласке – легко отличить от горносталя по меньшему размеру и запаху жженого миндаля»). Но его нет, так что на

прогулке будем только Монти, я и экономика.

Шел небольшой дождь – не настолько сильный, чтобы дать нам повод остаться дома. Я хорошо подготовила нас обоих, на Монти надела непромокаемый плащ, который он, видимо, считает ударом по своей мужественности («Он розовый!» – «Нет, вишневый!»), и мы пошли.

– Ну, Монти, – сказала я, когда мы достигли леса, оказавшись в безопасности и уединении, – философия тебя неплохо развлекла, но не пора ли узнать что-нибудь полезное?

Монти бросил на меня красноречивый взгляд. Этим его умением восхищаются все в нашей семье. Удивительно, как много может выразить поднятая собачья бровь или изгиб собачьей губы.

– *Зависит от того, что ты имеешь в виду под «полезным».*

– Кажется, философия тебя испортила.

– *Полезное может быть для меня, а может – для тебя.*

– Справедливо. Что ж, польза в основном для меня. Впрочем, это не игра с нулевой суммой.

– *Какая игра?*

– Игра с нулевой суммой означает, что ты либо все выигрываешь, либо все проигрываешь. Когда лев встречает зебру, это игра с нулевой суммой. А в нашем случае извлечь выгоду может каждый.

– *Намекаешь на то, что я не потрачу время зря?*

– Я сама об этом позабочусь.

– *Чизкейк?*

– Даже не мечтай. Собачье печенье.

– *Философ намного щедрее.*

– Хочешь сказать, податливее? Ну, теперь играем по моим правилам.

– *Три?*

– Чего?

– *Три печенья.*

– Ты выбрал хорошую тактику для ведения переговоров. Начал с большого запроса, зная, что в итоге пойдешь на уступки. Получишь два.

– *Согласен. Хм, только напомни, чем мы планируем заниматься...*

– Экономикой.

– *Ну ладно. А что такое экономика?*

– На этот вопрос ответить сложнее, чем ты думаешь. Даже экономисты не всегда сходятся во мнениях.

– *Почему-то я знал, что ты так скажешь!*

– Дай мне шанс, мы только начали, и я еще не успела войти во вкус. Итак, профессор Лондонской школы экономики Лайонел Роббинс (1898–1984) дал известное определение экономики как «науки, изучающей человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь другое применение».

– *Что, прости?*

– Да, мне оно тоже не нравится. У нормальных людей – и

собак – от такой формулировки зубы сводит. Но давай все же разберемся, что Роббинс хотел сказать. У нас есть некое количество денег (это ограниченные средства), и мы должны решить, на что их потратить (это цели). Значит, мы всегда делаем выбор в пользу одной вещи, а не другой, – например, покупаем яхту, а не «феррари».

– Ага, конечно.

– Шучу. Допустим, я покупаю туфли, а не сумку.

– *Больше похоже на правду.*

– Кроме того, мы будем реагировать на различные стимулы. Если увидим товар по низкой цене – к примеру, чизкейк, который теперь не идет у меня из головы, – вероятность, что мы купим его, больше.

– *Не возражаю.*

– В определении заложена идея о том, что экономика – это наука, под которой автор подразумевает надежный способ докопаться до истины, используя доказательства и проверяемые гипотезы.

– *Какие?*

– Еще один непростой вопрос. Очень трудно проводить контролируемые эксперименты в экономике, ведь тогда потребуется разделить огромное количество людей на две группы и на первой половине испытывать одну экономическую политику, а на второй – другую. Впрочем, сама история предоставила нам реальные примеры вроде разделения Германии или Кореи после Второй мировой войны, а еще

мы можем проводить мысленные эксперименты, чтобы увидеть логику в тех или иных аргументах. Лучше не заикливаться на том, в какой степени экономика является наукой, а рассматривать ее как *метод*, или способ, позволяющий анализировать то, как люди совершают рациональный выбор, связанный с тратой ограниченных ресурсов. И конечно же в экономике часто применяют математику, что дополнительно создает впечатление научности.

– *Ррр! Слушай, я умею считать – по крайней мере, вижу, когда ты жульничаешь с печеньем. Но если мы всю прогулку будем говорить об алгебре и математических задачах, то пойдем лучше домой прямо сейчас.*

– Не волнуйся, Монти, мы будем придерживаться плана. Никаких уравнений...

– *Уф!*

– Думаю, самый простой шаг к пониманию экономики – изучить ее происхождение и историю.

– *А поточнее?*

– Нас интересует не история королей, сражений или великих людей, совершающих великие подвиги, а изменение способов, при помощи которых общества организовывали производство, распределение и оплату продуктов питания, товаров и услуг. Ты не хочешь сначала побегать, чтобы выплеснуть избыток энергии?

Мы добрались до излюбленного места – заросшего высокими строгими буками, с хрустящим слоем старых буковых

орешков на земле. Монти метался между деревьями и сопел, а я просто брела, мысленно составляя план рассказа. Через некоторое время Монти остановился у скамейки на небольшом возвышении, откуда открывался красивый вид на верхушки деревьев. Я села и помогла Монти устроиться рядом.

– Готов?

– *Насколько это возможно. Обещаешь, что не будет уравнений?*

– Обещаю. Итак, экономическая мысль традиционно связана с одной проблемой: как производить все, что нужно, и доставлять продукт людям, которые в нем нуждаются или хотят его приобрести. На протяжении большей части истории этот вопрос оставался наиболее важным и вместе с тем не слишком сложным. Важным, потому что борьба за существование раньше была куда более жестокой. Не слишком сложным, поскольку и люди были более самодостаточными. В течение первых двухсот тысяч лет человеческой истории семьи и небольшие группы людей получали почти все, что им требовалось для выживания, с помощью охоты и собирательства. Однако по мере развития поселений общества начали расслаиваться, количество ролей для разных групп внутри этих обществ росло, а с ним возрастала и потребность в более сложных системах взаимодействия.

Оглянувшись назад, мы увидим, что общество решало проблему тремя основными подходами: традициями, приказами и рынками.

Вероятно, самым древним способом решения экономической проблемы общества – кто что делает (и кто что получает) – была традиция. Вы делаете то, что делаете, потому что всегда так делали. Сыновья шли по стопам отцов, и преемственность гарантировала передачу важных навыков. Например, индийская кастовая система устанавливала род занятий человека в момент его рождения. Традиционные системы работали, потому что они сохраняли стабильность и помогали поддерживать общественный порядок. Зато они отличались малой гибкостью (если не назвать это несправедливостью). Коль уж твой папа выгребал навоз, ты тоже выгребашь навоз.

Второй способ решения – управленческий. Кто-то говорит людям, что делать.

– *Как у нас дома – ты говоришь всем, что делать.*

– Да, Философу нужна твердая рука. Вспомним про древнеегипетские пирамиды. Они строились не потому, что какой-то ушлый предприниматель увидел выгодное дело. Они появились потому, что фараон сказал: «Стройте!»

А в СССР большую часть XX века преобладала плановая, или командная, экономика. Несмотря на ограниченность рынков, большинство решений о том, кто что делает, сколько за это получает и что может купить в магазинах, принимал Госплан.

– *Судя по твоему тону, идея неудачная?*

– В периоды кризисов, войн или, скажем, голода центра-

лизованное управление может стать единственным выходом из положения. И, как мы обсудим позже, бывают случаи, когда рынки работают плохо и мы можем предпочесть, чтобы центр планирования принимал рациональные решения от нашего имени. Как показали недавние события, ничто так не побуждает правительство вмешаться и взять экономику под контроль, как угроза глобальной пандемии. Однако в подобной системе есть как минимум две проблемы. Первая – этическая: при командной экономике люди не имеют права решать, что производить, продавать или покупать, – значит, в огромной части жизни они лишены свободы.

Вторая дилемма заключается в том, что командная экономика – чрезвычайно неэффективный способ управления невероятно сложными ситуациями. Этот аргумент выдвинул австрийский экономист и философ Фридрих Хайек (1899–1992). Но к нему и его тезисам мы вернемся позже.

– *Жду не дождусь!*

– Сарказм – низшая форма юмора, знаешь ли.

– *Дай мне передышку, я же собака. Вообще-то ты должен радоваться, что я не ем всякую дрянь и не рву подушки.*

– Передышка не за горами. На чем мы остановились? Ах да, третий способ экономической организации, которым пользуются сейчас почти везде, – рыночная система. Решения о ресурсах – что мы делаем и что получаем – не принимаются централизованно какой-то властью и не унаследованы от предыдущего поколения. Все решает рынок.

– Тебе придется объяснить, что значит «решает рынок». Сейчас для меня это просто слова.

– Хорошо. Но пока нам нужно лишь увидеть общую картину – так же, как мы сейчас видим этот пейзаж. – Я взмахнула рукой, однако Монти – все-таки он собака – смотрел на мою ладонь, а не на красоты природы. – Сейчас просто запомни, что рынки – ключевой элемент. То, как ловко рынки координируют экономическую деятельность, большинство людей воспринимает как должное. Помнишь историю про тостер? А про кофе? Множество вещей, делающих нашу жизнь сносной, существуют только благодаря рынкам. Именно поэтому экономика фокусируется на рынках: когда они процветают и когда, как и почему терпят неудачу.

– Ладно. И все же, если рыночная система так хороша, почему потребовалось так много времени, чтобы ее придумать?

– Потому что история далеко не всегда представляет собой логичное и неуклонное движение к идеалу. В древних обществах люди по большей части вели сельский образ жизни, почти не пользуясь деньгами. Путь к богатству лежал через религиозную или военную власть. Если люди думали о деньгах и коммерции, они часто сосредоточивались на моральных аспектах, стараясь выразить идею «справедливой цены».

– Справедливой цены?

– Эта концепция появилась в работах средневекового фи-

лософа Фомы Аквинского, однако восходит она еще к древнегреческим мыслителям. Идея заключалась в том, что вещи имеют естественную ценность и торговец должен назначать именно такую цену за свой товар. Фома Аквинский приводит в пример строительные материалы: есть «правильная» цена на камень и раствор, и нельзя просить за них больше, скажем, после землетрясения, когда все хотят восстановить дома, а жадный каменщик может поднять цену. Такой подход максимально далек от рыночного, при котором цена товара возникает в результате бесчисленных взаимодействий продавцов и покупателей.

Хозяйственная деятельность и торговля в древности считались чуть ли не постыдными занятиями. Цицерон резюмировал преобладающее мнение: «Презренными людьми надо считать и тех, кто покупает товары у торговцев, чтобы их тотчас же перепродать; ибо они получают доход только в том случае, если сильно обманывают покупателя, а ведь нет ничего более постыдного, чем обман»⁶.

В Средние века экономика во многих отношениях сделала шаг назад. Падение Рима привело к утрате политической стабильности. Старые торговые пути пришли в упадок, так как Европа раскололась на воюющие государства. Феодальный строй также ограничивал развитие рынков.

– Подожди! Что за феодальный строй?

⁶ Цит. по: Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Пер. с лат. и коммент. В. О. Горенштейна. М.: Наука, 1993.

– Очень краткий и упрощенный исторический очерк. Если говорить только о Европе, Северной Африке и Ближнем Востоке, то начать надо с Римской империи – стабильность, проверенные торговые пути, верховенство закона, крупные города и прочее. Но все летит в тартарары, и наступают Темные века. Хаос, война, безумие. Постепенно жизнь снова идет на лад, и мы оказываемся в Средневековье. Достаточно стабильные королевства, однако к сложной римской системе международной торговли вернуться не удалось. И политическая раздробленность проявляется намного больше. Следовательно, люди снова стали полагаться на собственные силы. Большой дом – поместье – стал основной единицей хозяйственной организации.

В древнем обществе повсеместно существовало рабство, к Средним векам оно превратилось в понятие крепостного права. Крепостной тоже был (более или менее) собственностью господина, но их связывали еще и взаимные узы и обязательства. Хозяин давал покровительство, крепостные – свой труд. Крепостным разрешалось обрабатывать небольшой участок земли для пропитания своей семьи, а взамен они предоставляли рабочую силу или отдавали часть продукции. Появились гильдии ремесленников, которым платили за труд, слишком специализированный, чтобы работника могло содержать даже самое большое поместье. Однако в целом товары и услуги производились и распределялись в соответствии с законом и обычаями, а не покупались по

рыночной цене. Господствующим идеалом было следование традициям, а не прогресс.

– *И что же вдруг изменилось?*

– Следующий период экономической истории, примерно с середины XV века до середины XVIII, иногда называют «торговым капитализмом», или «меркантилизмом». Странствующие торговцы привозили из все более отдаленных мест все более экзотические товары, торговля процветала, рынки расширялись. Росли торговые города: Венеция, Флоренция, Брюгге. Торговцы становились влиятельными и (немного) более респектабельными. Также росли и национальные государства. Разрозненные политические образования Европы медленно превращались в более крупные структуры. Примечательно, что Англия обладала единым внутренним рынком, что, помимо прочего, помогло ей стать одной из первых великих промышленных держав. В то же время происходило разрушение поместной системы. По мере роста городов за еду все чаще платили деньгами. Постепенно старые феодальные повинности монетизировались. Там, где раньше платили натурой – работой, цыпятами или яйцами, – теперь требовались деньги. Все большему количеству людей платили за труд, и это стимулировало расширение рынка, на котором торговцы могли продавать свои товары. Наконец, произошли изменения и в религиозном климате.

– *При чем тут религия? Разве она не противоречит экономике?*

– Сегодня их полагают совершенно отдельными областями. Однако пришли мы к этому совсем недавно. Христианская мысль до Реформации презирала мирские заботы – хотя, конечно, неприлично огромное богатство церкви с таким подходом не вязалось. Земное существование считалось преходящим, а ценной – следующая, вечная жизнь. Следовательно, погоня за деньгами и имуществом – не более чем суета. Согласно Максу Веберу, все изменилось с приходом протестантизма⁷. Усердие и трудолюбие стали мерилom духовной ценности. Не менее важно и то, что богатство следовало не растрачивать на греховную роскошь, а копить и вкладывать.

– *Значит, этих изменений хватило?*

– Не совсем. Произошел еще один интеллектуальный сдвиг, который стоит нашего внимания. Отношение к конкуренции. Торговцы не только обладали собственной властью, но еще и поддерживали вмешательство государства для ограничения конкуренции. Они призывали к монополиям и ограничениям торговли везде, где возможно, и были категорически против импорта. Современный принцип невмешательства им бы не понравился.

– *Вот и я говорю – в собачьи дела лучше не вмешиваться.*

– Этот принцип в основе своей позволяет людям делать

⁷ Weber M. The Protestant Ethic and the «Spirit» of Capitalism and Other Writings / Trans. and ed. Baehr P. R. and Wells G. C. Penguin Books, 2002. (Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2021.)

то, что им нравится. Он стал одной из самых влиятельных и спорных идей в экономике и подразумевает, что правительства должны воздерживаться от вмешательства в частные сделки, например посредством регулирования, субсидий или любых налогов, кроме самых минимальных. Термин впервые использовали в XVIII веке физиократы, группа радикальных французских мыслителей. Они верили, что единственным источником богатства является сельское хозяйство, однако больше всего на экономическую мысль повлияла их идея свободного обмена. Своими основными принципами они считали защиту частной собственности и свободу торговли. Их главным лозунгом было невмешательство – оставьте рынок в покое. Физиократы требовали от правительства выйти из экономической сферы и ограничиться охраной правопорядка и национальной обороной, что привело к конфликту с меркантилистами.

К концу XVIII века мир выглядел гораздо более узнаваемо – капиталистическим. Тем не менее даже в развитых странах вроде Франции все-таки возникали любопытные аномалии. В эту эпоху продавать приготовленную еду разрешалось только тем, кто имел королевскую хартию, – так круг торговцев ограничивался маленькой привилегированной группкой, которая могла устанавливать весьма высокие цены. Впрочем, хитрые французские рестораторы нашли способ обойти запрет. Мясные бульоны (и разные гарниры) стали продавать как «лечебные» или «тонизирующие»

средства. Само французское слово «ресторан» происходит от слова «укрепляющий»! Итак, коммерция находит выход, и мы видим, как традиции и приказы заменяются «невидимой рукой рынка». А человек, придумавший этот термин, наш друг Адам Смит, дал первое авторитетное объяснение устройства нового мира.

– Кажется, наступило время для перерыва. Давай я быстро улажу свои дела, а потом пойдем домой? По дороге сможешь рассказать мне про старикашку Смита.

Я позволила Монти заняться делами и демократично оросить как величественный ясень, так и крохотный кустарник.

Часть вторая

Крупные фигуры

– Ты готов?

– *Вполне!*

– Тогда нам пора поговорить о крупных фигурах в экономической теории.

Монти угрожающе зарычал. Единственный его недостаток... Хорошо, не единственный, но один из немногих... Ох, ладно, у него много недостатков, и один из них в том, что Монти считает себя очень грозным и больше всего на свете любит рычать и огрызаться на любых крупных собак, которые попадают на пути. Он никогда не вступает в драку, да и в силу почтенного возраста ему уже не хватает зубов, чтобы причинить кому-то вред. Однако Монти это не смущает, и при упоминании о чем-то очень крупном он ощетинился и приготовился лаять. Оглядевшись вокруг и не найдя достойных противников, он расслабился.

– Могу я продолжить?

– *Да, пожалуйста.*

– Я кратко расскажу о трех классиках экономической мысли, которые вместе заложили основы современной экономики: об Адаме Смите, Томасе Мальтусе и Давиде Рикардо. Адам Смит считается основоположником экономики. Он написал две великие книги: «Теория нравственных

чувств» (1759) и «Богатство народов» (1776). Первая – об этике, а вторая, которая его и прославила, – о политической экономии.

– *Что такое политическая экономия?*

– Хороший вопрос. Многие часто используют этот термин, не понимая, что он означает. По мере своего развития экономика углубляла связи с математикой. Другими словами, она стала гораздо более абстрактной и, возможно, потеряла связь с реальностью. Политическая экономия, напротив, фокусируется на том, как экономические проблемы проявляются в реальном мире. Она рассматривает не только рынки сами по себе, но и то, как они взаимодействуют с правительством, законом и культурой.

В «Богатстве народов» Смит выясняет, как нации добиться процветания. Едва ли был более насущный вопрос в мире Смита, где маленькие дети работали по четырнадцать часов в день, беременных женщин использовали как вьючных животных, чтобы таскать тележки с углем, а банды голодающих бедняков бродили по городам и селам в поисках работы. Книга получилась внушительных размеров, однако в ней можно найти как минимум четыре ключевые идеи.

Первая идея: скрытым механизмом, который мог увеличить производительность, а значит, и богатство нации, было *разделение труда*. Помнишь пример про булавочную фабрику?

– *Нет...*

– Ох, прости, ты тогда еще не присоединился к разговору. Вкратце перескажу: гораздо эффективнее разделить производство каких-нибудь булавок, или машин, или...

– *Тостеров?*

– ...на множество небольших действий или заданий, каждое из которых выполняется разными людьми.

– *Я понял, ты тоже, когда устаешь от уборки, начинаешь бродить по дому и говорить всем, чтобы навели порядок в другой части дома?*

– Ну да, примерно так. Будет эффективнее, если я займусь кухней, Философ – ванной, Роза – своей спальней, а Гейб пропылесосит в прихожей. Хотя проще взять в качестве примера создание вещей. Всякий раз, когда большую работу разбивают на более мелкие отдельные задачи, производительность возрастает.

Вторая ключевая идея «Богатства народов» заключается в том, что такой способ самоорганизации обусловлен нашей естественной склонностью «к торговле, к обмену одного предмета на другой»⁸. Разделение труда и специализация (а значит, и рост благосостояния) возможны, только если существует какой-то способ обмена товарами, – следовательно, нужны рынки. Чем больше рынок, тем больше возможностей для специализации. И тут великий экономист приводит в пример тебя, Монти.

⁸ Цит. по: *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Гл. II. С. 76.

– Меня? Всегда знал, что я особенный.

– Не именно тебя, Монти, а вообще собак. Смит отмечает, что люди уникальны: «Никому не приходилось видеть, чтобы одна собака сознательно менялась костью с другой»⁹.

– Не смеши! Зачем мне отдавать свою кость другой собаке? Зато, когда я одарю тебя жалобным и преданным взглядом, ты мигом дашь мне кусочки бекона. Это считается?

– Что ж, Смит может тебе возразить. Он пишет, что животное, желая получить что-то от хозяина, всегда будет ластиться. Люди, как он справедливо отмечает, часто поступают так же. У каждого среди знакомых найдется парочка подхалимов. Смит указывает, что это ограниченный и ненадежный способ принудить людей к сотрудничеству, а для сложного общества, основанного на разделении труда, требуется система, с помощью которой можно осуществлять миллионы сделок.

Третья, несколько противоречивая, идея состоит в том, что система, основанная на *личном интересе*, с гораздо большей вероятностью даст результат. Когда мы усердно трудимся в погоне за собственными интересами, мы неосознанно и ненамеренно работаем на благо общества в целом. Здесь следует привести еще одно известное высказывание Смита: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуман-

⁹ Там же.

ности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах»¹⁰.

Наконец, четвертая великая идея – невидимая рука рынка. Смит описывает, как рынок естественным образом регулирует сам себя, без управления извне. Если продавцы приносят на рынок меньше, чем хотят покупатели, в силу закона свободной конкуренции покупатели будут повышать цену. Если продавцы приносят на рынок больше, чем хотят покупатели, цена упадет. Цена становится результатом действия спроса и предложения. Кроме того, конкуренция служит своеобразным ограничителем. Если попытаешься назначить слишком большую плату за товары, то останешься без покупателей. Если будешь слишком мало платить работникам, то останешься и без них.

Смит также описывает, как рыночная цена будет в дальнейшем регулировать предложение. По мере изменения цены продавцы и производители естественным образом склонны уделять внимание изготовлению более дорогих товаров и отказываться от дешевых. Поскольку цена повышается из-за возникшего дефицита, такой механизм поможет регулировать спрос и предложение без вмешательства извне. Никакой чиновник не должен приказывать людям производить больше того или меньше этого – все решает рынок. Смит, вслед за физиократами, ясно дает понять, что главная задача пра-

¹⁰ Цит. по: *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Гл. II. С. 77.

вителя – установить верховенство закона и посторониться.

Вот так и выглядит свободная рыночная экономическая система, подпитываемая личными интересами и регулируемая невидимой рукой рынка.

– Итак, Адам Смит считал, что эгоизм – это хорошо, рынки – тоже хорошо, а правительство должно просто стоять в сторонке. Верно?

– Именно так карикатурно его идеи формулировали правые идеологи, однако все гораздо сложнее.

– Я знал, что ты это скажешь.

– Смит определенно не считал жадность достоинством и с презрением относился к жажде денег и власти. В «Теории нравственных чувств» есть прекрасный раздел, где он описывает человека, который всю свою жизнь проводит в неустанной погоне за богатством только для того, чтобы понять: он впустую растратил свою молодость. Гениальность Смита раскрывается в конце обличительной истории, когда он вдруг добавляет: «И хорошо, что сама природа обманывает нас в этом отношении: производимая ею в нас иллюзия возбуждает творческую деятельность человека и постоянно поддерживает ее»¹¹. Постыдный эгоизм, как ни парадоксально, побуждает нас «создавать науки и искусства, которые облагораживают и облегчают наше существование»¹².

¹¹ Цит. по: Смит А. Теория нравственных чувств / Пер. с англ. П. Бибилова. М.: АСТ, 2022. Гл. IV. С. 263.

¹² Цит. по: Смит А. Теория нравственных чувств. Гл. IV. С. 263.

Порок одного человека может стать добродетелью для общества.

И уж точно Смит не считал рынки по умолчанию справедливыми. Говоря об оплате труда, он указывает на то, что в переговорах между землевладельцем и рабочим существует большой перевес сил. Рабочие бедны, а помещики богаты. В споре один может занять выжидательную позицию, другому нужно прямо сейчас кормить семью.

Это чрезвычайно важный пункт. Современные сторонники экономической теории невмешательства часто основывают ее моральную легитимность на идее о том, что *свободный и честный* обмен по определению является благом. Если бы сделка, заключенная добровольно, не улучшала положение обеих сторон, то она бы просто не состоялась. Логика кажется несокрушимой. Если обе стороны обмена не рассчитывают получить выгоду, зачем его совершать? Конечно, сторона с большей переговорной силой, скорее всего, выиграет, но, если другая сторона тоже получит выгоду, пусть и меньшую, – почему бы и нет? Однако Смит осознавал, что на дисбаланс сил и неравенство результатов нельзя закрывать глаза.

Смит также не считал, что правительства никогда не должны вмешиваться в работу рынков. Тем не менее государство, по его словам, должно обеспечивать социальные блага, такие как образование для простых людей, и подобные противоречия смущают его современных сторонников,

рыночных фундаменталистов.

Адам Смит верил в способность рынка сделать нашу жизнь лучше, но не был слепым приверженцем политики невмешательства. Он не выступал против любого государственного влияния и не называл эгоизм добродетелью. В его объемных трудах можно найти и тезисы в поддержку невмешательства, и высказывания в пользу регуляции со стороны правительства.

Я так долго говорила о Смите отчасти потому, что его часто толкуют превратно. Однако он – не единственный важный мыслитель тех времен. Хочу быстро рассказать о Томасе Мальтусе (1766–1834) и Давиде Рикардо (1772–1823). Закончим, как раз когда подойдем к дому.

– *Отлично. Только давай покороче.*

– Адам Смит мыслил позитивно. Он смотрел на мир и видел возможности для улучшения. Его преемники Мальтус и, в меньшей степени, Рикардо были настроены более мрачно. Мальтус, священник, заметил, что он гораздо чаще крестит юных, чем отпевает стариков. И он увидел, сколько бедняков в его приходе. Он связал два наблюдения и написал о них «Опыт закона о народонаселении: как он влияет на будущее улучшение общества» (1798). В книге он пришел к удручающим выводам. Во-первых, население ограничено средствами к существованию. Как он выразился, «именно количество пищи регулирует численность человеческого вида». Во-вторых, население будет увеличиваться вместе с увели-

чением средств к существованию. Только вот темпы роста у них очень разные. Население растет в геометрической прогрессии, а его благосостояние – в арифметической (или линейной, как мы сказали бы сейчас).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.